

Лань Чэянь и Юй Иньянь только успели договорить, как их дверцу автомобиля грубо распахнули. От этого зрелища Лань Чэянь едва не замахал руками от боли в сердце: защищать машину было нельзя, а не защищать — невыносимо жалко.

Оказавшись в безвыходном положении, Лань Чэянь только и делал, что взмахивал руками туда-сюда перед грудью. Выражение его лица исказилось, кулаки сжались до побеления суставов — судя по всему, он из последних сил сдерживал себя.

Дверь распахнулась окончательно, и громилы попросту вытащили их наружу. Они не стали угрожать или приказывать вылезти самим, а именно что выдернули силой. Да так мощно, что у Лань Чэяня возникло ощущение, будто ему сейчас вывихнет руку.

Боль была вполне реальной, отчего игра Лань Чэяня стала еще убедительнее. Напускное отсутствие страха и напряжения было фальшью, но боль-то ощущалась по-настоящему. Поэтому его лицо из-за сдерживаемой боли выглядело суровым, излучая неподдельную властность, словно у какого-нибудь положительного героя из телесериала.

Юй Иньянь, которого вытащили точно так же, отреагировал чисто инстинктивно. Охваченный страхом и паникой, он начал шарахаться из стороны в сторону, отчаянно пытаясь защитить себя.

Один из здоровяков, заметив Лань Чэяня в фирменном костюме, с нежным, словно у начинающей кинозвезды, личиком, неожиданно оживился. Из его рта тут же полились насмешливые слова, исказившие лицо в ухмылке:

— Ого, да тут у нас вот кто! Неудивительно, что такие мужики западают. Тонкие ножки, ручки, еще и такая мордашка смазливенькая... С мужчинами я еще не пробовал, но с таким товаром, пожалуй, можно и поэкспериментировать.

По их манере речи Лань Чэянь сразу понял, что перед ним обычные уличные хулиганы, лишенные всяких моральных устоев и профессиональной этики, которых наняли Вань Ляньмин и Дунь Цифан. Именно такие отморозки отличаются особой жестокостью.

Поскольку в их картине мира на первом месте стояли собственные прихоти, ума у них было немного, жили они исключительно инстинктами и никакого трепета перед чужой жизнью не испытывали.

Но Лань Чэянь, решив вопреки здравому смыслу проверить судьбу, вдруг вздумал пойти напролом. Он холодно посмотрел на них и процедил:

— Какая жалость. Такой сброд, как вы, даже девушкам не нравится, да и мужчины еще подумают. Вы-то уродились всеобщими изгоями, а вот я — как раз наоборот: нравлюсь и тем, и другим. Завидуете, да?

Едва Лань Чэянь договорил, как тот из них, чья натура читалась легче всего, закономерно рассвирепел. Стоило пойти против их воли, как они тут же бесились, ведь они понимали только язык силы и не выносили мягкого обращения.

Главарь этой шайки зажал щеку Лань Чэяня своей огромной лапищей, притянул его лицо вплотную к собственному и, злобно зыркнув на него, прорычал угрозу:

— Не будь таким дерзким. Скоро я покажу тебе во всей красе, на что способен этот самый товар — у тебя потом ноги от страха отнимутся.

Не испугавшись угроз, Лань Чэянь лишь опустил взгляд и насмешливо усмехнулся. Несмотря на дикую боль в зажатой щеке, он впился ногтями в собственное бедро, чтобы не растерять боевой настрой, и с абсолютно беззаботным видом разразился издевкой.

Юй Иньянь, которого удерживали рядом, заметив, как Лань Чэянь сжимает пальцы на своем бедре, сразу понял, что тот держится из последних сил. Он испугался за друга, опасаясь, как бы тот не сорвался.

Юй Иньянь отлично знал, что у этих людей нет никаких принципов, и если их переклинит от злости, они исполнят угрозу до конца. Ему оставалось лишь попытаться остудить пыл Лань Чэяня:

— Поменьше болтай, от этого всё равно толку не будет. На совет Юй Иньяня Лань Чэянь лишь презрительно скосил глаза. Во взгляде его читалось высокомерие человека, который и смотреть ни на что не станет, и он продолжил тщательно поддерживать образ холодного неприступного гордеца.

Доброжелательные увещания, с которыми Юй Иньянь обратился к Лань Чэяню, услышали и те самые люди. Как выяснилось, они и впрямь были из тех, кто податлив на ласку, но глух к угрозам, поэтому тут же расплылись в улыбках и обратили свои лица к Юй Иньяню.

Поскольку Лань Чэянь стоял перед Юй Иньянем, тот самый громила с силой отстранил его за лицо, грубо отпихнув Лань Чэяня в сторону локтем, и шагнул ближе к Юй Иньяню.

Лань Чэяня же, которому сначала отшвырнули лицо, а затем врезали локтем в бок, снедало лишь одно: как бы не уронить собственное достоинство. Он изо всех сил старался сохранить мрачный, свирепый вид и даже приподнял угол рта в презрительной усмешке.

Глядя на внезапно разъярившийся взгляд Лань Чэяня, Юй Иньянь почувствовал сильнейший диссонанс. Ему казалось, что тот слишком сильно переигрывает — точь-в-точь как в те моменты, когда его актерское мастерство, и без того не блестящее, давало сбой.

Но в то же время это могло сойти за ледяное спокойствие, необходимое человеку,

столкнувшись с лицом к лицу с опасностью. Это странное ощущение совершенно сбило Юй Иньяня с толку, и он никак не мог понять, что же здесь происходит на самом деле.

Однако не успел Юй Иньянь прийти в себя от поведения Лань Чэяня, как некий амбал внезапно ухватил его за подбородок и с силой задрал лицо вверх. Словно пойманного крольчонка, его одарили ухмылкой и принялись отпускать комплименты:

— А ты всё-таки симпатичнее. Смотрю на вас: внешне вроде все равны, но вот отношение — небо и земля. Больше всего на свете я люблю послушных милашек. Не бойся, я буду с тобой нежен.

От этих слов Юй Иньяня едва не хватил удар от страха. В его голове одна за другой проносились картины грядущего надругательства, и сердце проваливалось в бездну отчаяния.

Он думал о том, что никак не может позволить себе столкнуться с подобным унижением на самом закате жизни, да еще и впервые. И пусть рядом нет любимого человека, но неужели нельзя обойтись хотя бы элементарным уважением?

Глядя на массивную фигуру детины и сравнивая ее со своим собственным телосложением, Юй Иньянь чувствовал себя не иначе как Красавицей рядом с Чудовищем. Если пережить такое хоть раз, какая же страшная психологическая травма останется на всю жизнь!

В этот момент Юй Иньяню хотелось умереть от стыда и ужаса — лучше уж погибнуть до того, как над ним надругаются, это было бы куда меньшим злом.

Однако суровая реальность не оставляла ему права выбора: их держали слишком крепко, и о побеге не могло быть и речи.

Но у Лань Чэяня всё же осталась совесть. Услышав, какими угрозами тот пугает Юй Иньяня, и заметив, как сильно побелело лицо товарища, Лань Чэянь поспешил вмешаться, чтобы защитить своего человека:

— Эй, тупой буйвол! Хочешь задираться — задирайся со мной! Какая доблесть — обижать того, кто слабее? Если ты мужчина, делай это с настоящим мужчиной!

В конце фразы речь Лань Чэяня неожиданно сбилась и зазвучала словно скороговорка, которую те недалекие амбалы со своими однонаправленными мозгами просто не смогли переварить. Они видели лишь одно — как Лань Чэянь злится.

Только вот гнев Лань Чэяня казался им не более чем яростью взъерошенного птенца. Как бы громко он ни орал, звучало это не страшнее щебетания певчей птицы, и здоровяки дружно расхохотались, глядя на него.

Его ярость и грозный вид нагло проигнорировали и высмеяли. Лань Чэянь рассвирепел так, что волосы встали дыбом, а коренные зубы едва не заскрежетали от злости. А Юй Иньянь, видя, как Лань Чэянь при всей своей беззащитности всё еще пытается его защитить, почувствовал невероятную трогательность в сердце. Но наблюдая, как гнев того не приносит никакой пользы, а сам он никак не может вырваться, Юй Иньянь беспомощно попытался его уговорить:

— Тебе лучше не лезть в это, о себе позаботься.

Разъяренный и доведенный до головокружения Лань Чэянь к тому времени уже выбился из сил от сопротивления. Услышав слова Юй Иньяня, он с легким сердцем сдался и совершенно равнодушно ответил:

— Вот как? Ну тогда ладно, не буду тратить на это силы.

Глядя на внезапно переменившегося в лице Лань Чэяня, который перестал лютовать, Юй Иньянь едва не рассмеялся от злости: сразу было видно, что тот и раньше лишь играл роль, а теперь просто устал и больше не мог притворяться.

Но те люди, услышав, что Лань Чэянь собирается сдаться, воодушевились еще сильнее. Тут же один из них приказал остальным громилам, которые выглядели рангом пониже:

— Заталкивайте их в машину, сегодня вечером нас ждет отличное зрелище!

Услышав этот приказ, остальные бугаи без малейших усилий запихнули Лань Чэяня и Юй Иньяня в салон. Действуя грубо и небрежно, они заставили Лань Чэяня удариться то о дверцу, то о сиденье.

От этих ударов Лань Чэянь так взвыл от боли, что забыл обо всем и перешел на свою истинную манеру общения. Испытывая сильнейшее раздражение, он прямо выругался:

— Поаккуратнее! Вы что, неуклюжие и безмозглые? Нельзя ли работать профессиональнее? Сдаётся мне, сейчас мои впечатления от сервиса просто отвратительные!

Ворчание Лань Чэяня сильно встревожило Юй Иньяня, ведь он видел, как лица тех мужчин становились всё мрачнее. Он ненавидел себя за то, что не может поднять руку и зажать Лань Чэяню рот, ненавидел собственные ноги, которые не слушались.

В конце концов он додумался лишь попытаться остановить Лань Чэяня словами, но стоило ему открыть рот, как выяснилось, что он может издать лишь слабый звук — рот был запечатан скотчем. В итоге ему оставалось только уговаривать Лань Чэяня взглядом.

Однако Лань Чэянь был глух и слеп к этому: он продолжал в одиночку вести войну со злосчастным куском скотча, который собирались на него наклеить, непрерывно уворачиваясь из стороны в сторону и брезгливо заявляя:

— Я не буду клеить эту дрянь, это портит мне настроение да еще и жутко неудобно! Нельзя ли

придумать что-нибудь другое? Подойдет и кляп из ткани, только чистый, у меня вообще-то брезгливость!

Неугомонного и болтливого Лань Чэяня в конце концов всё же насильно заклеили скотчем, из-за чего ему оставалось лишь яростно таращиться на амбалов обиженным взглядом и издавать возмущенные звуки сопротивления.

Наконец дверцу захлопнули, и колеса закрутились. Лишь после того как машина уехала, стало видно, что неподалеку стоят Вань Ляньмин и Дунь Цзифан. В этот момент они оба довольно ухмылялись.

Проводив взглядом удаляющуюся машину, Дунь Цзифан спросил Вань Ляньмина:

— Вы же знали, кто они такие, почему всё равно решились на похищение? Разве вы не боитесь, что его влиятельный партнер разозлится и доставит вам неприятности?

Дунь Цзифан в конце концов не был главным зачинщиком, да и мыслил всегда довольно поверхностно, однако им действительно двигало искреннее любопытство: почему Вань Ляньмин, зная о происхождении парня, всё же осмелился на него напасть?

Когда Дунь Цзифан задал вопрос, самодовольный Вань Ляньмин ответил не сразу. Он неторопливо поднял руку с зажатой между пальцами сигаретой, с улыбкой затянулся, выпустил колечко белого дыма и лишь после этого с легкой усмешкой произнес:

— И что с того? Статусом силен его парень, а не он сам. Он всего лишь вернувшийся из-за границы юрист, каких-то высот добился, но для меня он — не больше чем мелкая букашка.

Вань Ляньмин стряхнул пепел с сигареты, снова затянулся и, глядя куда-то вдаль, продолжил объяснять:

— Если я с ним расправлюсь, даже смертельно разозлившись, его возлюбленный ничего не сможет мне сделать.

Ответ Вань Ляньмина вовсе не прояснил ситуацию для Дунь Цзифана, а лишь сильнее запутал его. Тот не удержался и переспросил:

— Но если его парень рассердится и пойдет жаловаться отцу... Разве мы тогда не пропали? Как-никак, речь идет о его любимом человеке!

При слове «любимый» Вань Ляньмин рассмеялся еще наглее. Он даже перестал курить и, подняв сигарету, уставился на Дунь Цзифана. Дунь Цзифан тут же сообразил протянуть пепельницу. Дождавшись, пока Вань Ляньмин стряхнет пепел, тот ответил:

— Ты потому и не способен провернуть серьезное дело, что у тебя слишком просто устроен мозг. Кто станет переживать из-за однополого партнера собственного сына? Представь на моем месте себя: твой сын заявляет тебе, что его парня-гея похитили, и требует броситься на

помощь. Что бы ты сам об этом подумал?

Этот вопрос поставил Дунь Цзифана в тупик. Он принялся всерьез обдумывать услышанное, не забывая при этом украдкой ловить малейшие изменения на лице Вань Ляньмина.

Видя, с каким безмятежным видом тот держится, Дунь Цзифан понял, что упустил суть проблемы, и уж тем более сообразил, что сейчас не время выставлять напоказ мнимую сметливость. Поэтому он смиренно попросил разъяснений:

— У меня ума палата, так что прошу меня простить. Лучше сами расскажите, почему вы так уверены в своем решении.

Вань Ляньмину очень нравилось, когда Дунь Цзифан демонстрировал свою простоту, и еще больше — когда тот обращался к нему за советом. Залившись довольным смехом, он не преминул отпустить шпильку:

— С таким наивным братом Дунем мне приходится несладко. Если тебя кто-нибудь обманет и уведет, я же со страху умру! Держись-ка за мной следом и смотри не отходи ни на шаг.

Увидев, что Вань Ляньмин в хорошем настроении, Дунь Цзифан успокоился — значит, он не сделал ничего дурного.

Именно за это умение вовремя уловить настроение Вань Ляньмин и ослабил бдительность, начав растолковывать ему всё по полочкам:

— На самом деле всё очень просто. Если я убью этого сопляка, рад буду не только я сам, но и отец его бойфренда.

Дунь Цзифан озадаченно замер, но Вань Ляньмин, не выказывая раздражения, продолжил:

— Потому что, если дело выгорит, я избавлю его от огромной головной боли — от тяжелого груза в виде собственного сына, существование которого он признавать не хочет, но который тем не менее существует.

Выслушав это, Дунь Цзифан озаренно хлопнул глазами и уставился на Вань Ляньмина. Тот в ответ кивнул и тут же добавил:

— А если его сынок побежит жаловаться отцу, то даже понимая, что должен действовать по закону, тот всё равно будет вынужден прикрыть меня, лишь бы эта история не получила огласку. В конце концов, этот пацанчик — пустое место, да к тому же бельмо на глазу у влиятельного человека. И раз уж от исчезновения парня тот только выиграет, неужели ты думаешь, что он станет идти против меня из-за какой-то шпаны?

Выслушав пространные рассуждения Вань Ляньмина, Дунь Цзифан не мог не проникнуться глубоким уважением к его хватке. Вот почему этот человек неизменно оставался на плаву — он умел зримо видеть самую суть любых проблем. При этом Дунь Цзифан радовался, что умеет

ловить настроение Вань Ляньмина. Он чувствовал, что, следуя за Вань Ляньмином, обязательно пойдет далеко, поэтому поспешил польстить:

— Поистине, только такой человек, как вы, способен узреть суть этих проблем. На моем месте меня бы точно водили за нос.

Любящий лесть Вань Ляньмин мгновенно расплылся в улыбке, прикурил сигарету и сделал глубокую затяжку. Но по мере того как дым рассеивался, выражение его лица переменилось, и он заговорил:

— С тем сопляком разобрались, значит, сегодня вечером пришла пора заняться тем хмырем по фамилии Лэй. То, что в прошлый раз ему удалось чудом ускользнуть — уже великая милость с нашей стороны, а дальше пойдут вопросы к нашей компетентности. Не хочу, чтобы это повторилось.

Договорив, Вань Ляньмин сурово уставился на Дунь Цзифана. Тот немедленно взял пепельницу, вытянулся по струнке и отпраповал Вань Ляньмину:

— Не беспокойтесь, на этот раз промаха не будет. Я и сам не хочу повторения!

Сказав это, Дунь Цзифан еще и опасливо заглянул Вань Ляньмину в глаза. Заметив, что тот не сердится, а лишь затушил окурок, он наконец выдохнул. Вань Ляньмин снова обратился к Дунь Цзифану:

— Ладно, в этот раз я тоже поеду. Должен лично увидеть, как из него дух вон вышибут — только тогда успокоюсь.

Узнав, что Вань Ляньмин тоже собирается ехать, Дунь Цзифан поспешно согласился:

— Хорошо, тогда я прямо сейчас распоряжусь, чтобы вечером его вывели, а потом присоединюсь к вам.

Вань Ляньмин тоже посчитал это лучшим решением, кивнул в знак согласия, а затем махнул рукой, веля Дунь Цзифану поторапливаться.

Увидев жест, Дунь Цзифан тут же бросил пепельницу, быстренько выскользнул из комнаты и помчался прочь, не сбавляя шага. Однако, прежде чем выйти из здания, он сделал звонок:

— Алло? Смотрите в оба за этим сопляком, вечером выводите его наружу, я скину вам координаты. Запомните: на этот раз разрешается только победить, никаких провалов!

Услышав в ответ подтверждение, Дунь Цзифан повесил трубку, вышел из здания и уехал.

А в это время микроавтобус вез Лань Чэяня и Юй Иньяня неизвестно куда. Дорога пошла неровная, и машину затрясло. Без того ветхий автомобиль скрипел изношенными сиденьями, а жесткая обивка всю дорогу отбивала Лань Чэяню и Юй Иньяню все внутренности.

Несколько раз их тела бесконтрольно заваливались из стороны в сторону, и поскольку говорить они не могли, то яростно таращились на сидевшего напротив похитителя, который уже клевал носом, пытаясь хоть так привлечь внимание. Но тем было абсолютно наплевать, тряска разбитого корыта их нисколько не беспокоила — казалось, эта развалюха была продолжением их собственных тел.

Для обоих, никогда в жизни не знавших лишений и впервые застрявших на такой работе, испытание выдалось суровым, а поездка все никак не кончалась.

Наконец, не выдержав, Лань Чэянь пнул сидевшего напротив головореза. Лишь после нескольких ударов тот соизволил перевести на него взгляд, но лишь рявкнул:

— Сиди тихо, не вынуждай меня тебя бить!

Однако побои страшили Лань Чэяня куда меньше, чем ухабы на этой проклятой дороге, поэтому он, наплевав на предупреждения, продолжил пинаться. В конце концов это вывело бандита из себя: он резко подался вперед и вцепился Лань Чэяню в горло — бить не стал, но рассчитывал запугать.

Однако, бросившись вперед и сосредоточив все внимание на лице Лань Чэяня, бандит не ожидал удара в исполнении того же Лань Чэяня снизу: тот метко двинул его коленом. Бандит мгновенно состроил мину величайшего страдания.

Сидевший рядом Юй Иньянь проследил взглядом за коленом Лань Чэяня и с ужасом обнаружил, что тот заехал противнику аккурат по семейным драгоценностям. Зрелище настолько впечатлило Юй Иньяня, что он восторженно вскинул связанные руки и крепко сжал кулак Лань Чэяня в знак победы.

Получивший удар бандит рухнул обратно на сиденье и завыл от боли, чем привлек внимание остальных подельников. Тот самый бандит, чей голос имел вес, заметив, что Лань Чэянь даже связанным способен дать отпор, с долей восхищения и злости процедил:

— Вам лучше вести себя смирно, а не то живо познаете все прелести жизни. Не дожидайтесь, пока вам задницы порвут, чтобы дошло!

Угроза звучала более чем неиллюзорно, но доведенный до иступления тряской Лань Чэянь был куда опаснее. Рассвирепев, он принялся неистово тыкать в заклепку собственного рта и мычать на все лады, словно вызывая: давай, попробуй, сделай это!

Похитители, заметив, что вокруг тихо и бояться нечего, уверенно велели соседу содрать ленту с рта Лань Чэяня — им захотелось посмотреть, на что этот парень способен.

Едва освободив язык, Лань Чэянь первым делом разразился руганью. Поразмыв губы, он затараторил:

— Какого черта вы нас на этой консервной банке везете?! У меня от этой тряски уже задница отваливается, какая уж тут порванная задница! Не прошу хорошую тачку, но хотя бы сиденья нормальные поставьте! Издеваетесь так изощренно, лучше б прикончили сразу!

Язык Лань Чэяня работал со скоростью пулемета, выплевывая столько слов подряд, что похитители едва успевали улавливать смысл. Впрочем, главную мысль они уловили: Лань Чэянь критиковал их машину.

Ораторский талант пленника ошеломил главаря бандитов. Впервые им попадался похищенный, который так мастерски бранится: казалось, Лань Чэянь ни капельки не боится и даже находит время оценить уровень комфорта транспортного средства.

Какое-то время бандиты ошарашенно молчали. Юй Иньянь, заметив перемену в их лицах, дернул Лань Чэяня за одежду, призывая умерить пыл, но распаленный бранью Лань Чэянь и не думал останавливаться:

— Чего пялитесь? Говорю вам: либо прикончите меня нахрен, либо останавливайте эту развалюху, иначе живьем с вас шкуру спущу!

Внезапно все похитители расхохотались. Это окончательно взбесило Лань Чэяня, но стоило ему открыть рот, как его губы вновь запечатали липкой лентой.

Пылающий гневом Лань Чэянь продолжал яростно мычать и метать глазами смертельные молнии. Бандиты, которым он уже порядком надоел, рывкнули на весь салон:

— Заткнись! Сволочь, хватит пасть разевать! Захотелось комфорта? погоди, я тебе устрою полет на небеса, посмотрим, как ты после этого поорешь!

Окрик бандита оглушил и Лань Чэяня, и Юй Иньяня. На мгновение те застыли в тишине. Убедившись, что буза прекратилась, бандит самодовольно изрек:

— То-то же. Послушных детей любят больше.

Правда, Лань Чэянь испугался вовсе не угроз — у него просто зазвенело в ушах от крика, да вдобавок раскололась голова. Бедняга мог лишь молча терпеть, скорчившись от боли, и сам не понимал, что с ним творится.

Заметив затишье, Юй Иньянь покосился на товарища. По глазам он понял, что с тем творится что-то неладное, и, не зная причины, принялся участливо пихать его локтем. Но затуманенный мозг Лань Чэяня не сразу смог ответить на заботу.

Машина катила дальше. Опасаясь, что у друга приключился какой-то внезапный припадок, Юй Иньянь не сводил с него глаз. Заметив капли пота на лбу Лань Чэяня, он встревожился еще сильнее, но, будучи связанным, ничем не мог помочь и изнывал от бессилия.

К счастью, постепенно Лань Чэяню стало лучше, и он дал Юй Иньяню понять, что все в порядке, после чего тот наконец успокоился.

После этого инцидента Лань Чэянь вел себя гораздо тише. Он непрерывно крутил головой по сторонам, будто выискивая что-то. Впрочем, судя по всему, ничего нужного не обнаружилось, и ему оставалось лишь смиренно ждать.

Наконец эта развалюха свернула в чашу, похожую на глухую горную тайгу, и замерла. Вокруг царила мертвая тишина.

Жуткая атмосфера одновременно пугала и интриговала Юй Иньяня: пугала перспектива найти здесь свою могилу, а интриговала надежда — вдруг появятся призраки? Тогда он смог бы вступить с ними в контакт и использовать нечисть для их спасения.

Однако, как ни странно, при всей жуткости места ни единого духа вокруг не наблюдалось. Зловещим оно казалось разве что из-за полумрака.

Лань Чэянь тоже внимательно осматривал окрестности, мысленно фиксируя координаты: поскольку применять магию на обычных людях ему запрещалось, приходилось выкручиваться собственными силами.

Но прежде чем они успели что-либо рассмотреть, похитители вытащили их из машины и сорвали ленты с ртов.

Освободив языки, Юй Иньянь и Лань Чэянь в один голос спросили:

— Где мы?

Задав вопрос, оба синхронно переглянулись и тихонько прижались друг к другу — а вдруг представится шанс освободить руки от веревок?

Бандиты же, ничуть не тревожась, шагнули вперед и с ухмылками объявили:

— Добро пожаловать домой, ребятки. Но перед тем как мы отсюда сможем уйти, надо вручить вам подарок. И этот подарок — мы сами.

С этими словами они принялись расстегивать штаны и двинулись на Юй Иньяня с Лань Чэянем, ухмыляясь так зловеще, что фору дали бы любым киношным монстрам.

Юй Иньянь перепугался намертво. Он искренне уверовал, что сегодня им точно не спастись. Надвигающаяся стена рослых амбалов заставила его в панике вцепиться в руку Лань Чэяня, напрочь забыв про попытки развязать веревки.

Лань Чэянь же, видимо, сохранял план в голове: он немигающим взглядом спокойно смотрел на здоровяков. И чем хладнокровнее держался Лань Чэянь, тем сильнее распалялись бандиты. Они плотоядно уставились на него и заржали:

— Вопи, давай! Чем громче визгливые вопли, тем веселее. Чем ты сильнее бесишься, тем сильнее нас заводишь!

С этими словами они полезли распускать руки. Поняв, что момент настал, Лань Чэянь во весь голос заорал:

— Время пришло!

Крик застал бандитов врасплох: решив, что тут кроется какой-то подвох, они закрутили головами по сторонам. Но в ответ — лишь тишина, нарушаемая криками диких животных, и неловкая пауза повисла в воздухе.

Прождав с минуту и не дождавшись никаких спецэффектов, Лань Чэянь отчаянно принялся шарить глазами вокруг, но в итоге так ничего и не нашел.

Юй Иньянь, совершенно не понимая, что за цирк устраивает друг, просто таращился на него. В конце концов, не дождавшись кавалерии, Лань Чэянь окончательно пал духом и, глядя на громил, обреченно выдал:

— Ладно. Раз вы так решили со мной поиграть, я тогда церемониться не стану.

Услышав это, бандиты решили, что Лань Чэянь делает последние попытки сопротивления, и развеселились еще пуще. Они снова потянулись к телам Лань Чэяня и Юй Иньяня, возобновляя лапающие движения.

Юй Иньянь отчаянно извивался, а Лань Чэянь чувствовал себя совершенно беспомощным; чем яростнее они сопротивлялись, тем наглее становились подонки.

Видя нарастающее отчаяние Юй Иньяня, Лань Чэянь наконец рассвирепел. Его руки напряглись, а в глазах погас прежний блеск — взгляд заволокло тусклой серой пеленой.

Похитители еще ничего не заметили и продолжали потирать руки от предвкушения. Не успели сорвать одежду с Юй Иньяня и Лань Чэяня, как от рук последнего поднялся густой черный дым, в мгновение ока пережеввший веревки.

Движение вышло стремительным: Лань Чэянь уже вскинул руки, намереваясь обрушить кару на головы негодяев.

Вдруг резкий звук заставил бандитов вздрогнуть. Они тут же прервали свои грязные дела и оглянулись.

Ветви над ними зашевелились, и на землю градоподобным дождем посыпались листья — точно-точно как осенью. Сквозь листопад проступил чей-то силуэт в строгом черном костюме.

Все вперили любопытные взгляды в центр поляны. Когда листья опали, перед ними во всей красе предстал Фань Юцзюэ.

Узнав Фань Юцзюэ, Лань Чэянь сперва злобно фыркнул, а затем повернулся и принялся развязывать веревки на руках Юй Иньяня.

К этому моменту глаза Лань Чэяня вернулись в норму, черный дым исчез, и лишь гнев на лице не убавился ни на йоту. Освободив Юй Иньяня, он тут же виновато бросил:

— Прости. Чуть все не испортил.

Напуганный до полусмерти Юй Иньянь тут же напустился на него с допросом:

— Ты что, специально дал себя похитить и ничего мне не сказал?! Знал, что он заявится?

Перед лицом обвинений пристыженный Лань Чэянь не смел и рта раскрыть, что фактически означало признание вины. Все так и было.

Это взбесило Юй Иньяня настолько, что он принялся с яростью щипать Лань Чэяня за бока, вымещая злобу.

Лань Чэянь завыл от боли, вцепился в руки Юй Иньяня и заумолял о пощаде:

— Прости, прости, прости! Моя вина! Не стоило скрывать ради достоверности эмоций, умоляю, прости!

Но охваченный остаточным страхом Юй Иньянь понимал, что под рукой у него есть только Лань Чэянь, на котором можно отыгаться, а потому хватку не ослаблял.

Пока Юй Иньянь усердно калечил бока Лань Чэяня, Фань Юцзюэ уже приступил к физическому устранению похитителей. Поскольку использовать магию он не желал, ему приходилось полагаться исключительно на грубую физическую силу.

<http://bllate.org/book/22522/2378640>